

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

«Шепот, робкое дыханье...»

Стихотворение написано в 1850 году. Стихотворения о любви составляют едва ли не большую часть всей лирики Фета. Самый частый сюжет его любовной лирики — свидание в саду, и самое знаменательное стихотворение этого рода то, с которого и началась громкая слава Фета, стихотворение, которое на многие годы стало своего рода эмблемой его поэзии — «Шепот, робкое дыханье...».

В чем же новизна и необычность этой действительно новаторской поэтической миниатюры? Первое, что бросалось в глаза и сразу было замечено читателями, — это полное отсутствие глаголов, передающих, как известно, движение. Но при этом стихотворение не статично, более того, оно передает беспрестанное движение и изменение в природе и в отношениях между влюбленными, то есть воссоздает некое событие. Присмотримся к тому, как Фет в этом стихотворении добивается эффекта непрерывного движения, изменения, быстрых переходов от одного состояния в природе к другому. Глаголы неизбежно «удлинили» бы эти переходы от одного мгновения к другому. «Укорачивают» их существительные со своей номинативной функцией, но это особые существительные, которые «обозначают не предметы, а нечто совершающееся во времени, процесс, движение, то есть, по существу, содержат в себе категорию глагольности, являются своего рода подлежащими-сказуемыми: шепот, дыханье, трели, колыханье, лобзания, слезы» (Д. Благой). Вместе с ними не в статике, а в движении и изменении находятся и существительные, служащие дополнениями к ним: трели соловья, колыханье ручья, ряд изменений лица. Мгновенно-называемое слово (существительное) приобретает иллюзию движения, текучести, но движение, в свою очередь, становится ни чем иным, как быстрым переходом, даже «перебегом» от одной картины (мига) к другой, и здесь важную роль играют запятые — они как бы обрамляют отдельные картины, образуют между ними паузы — краткие, глубокие. Без них невозможна музыка стиха, «эфирность» его создается не только звучанием слов, но и интонацией их произношения. Точки на протяжении всех трех строф стихотворения нет, оно прочитывается как одно предложение, в одном темпе, поэтому эти картины-миги, сменяя друг друга и переливаясь один в другой, превращают всю миниатюру в единый, насыщенный жизнью и чувственностью миг, потенциально стремящийся к вечности, хотя этого слова Фет и не употребляет.

Стихотворение не однажды упрекали в бессодержательности. Вождь народнической критики Н. Михайловский, например, иронически замечал: «Фет, ведь это “шепот, робкое дыханье, трели соловья” безглагольное стихотворение, безначальный конец, бесконечное начало, словом, нечто архипоэтическое». Между тем, при всей своей «эфирности» это окутанное таинственным полумраком, какой-то полупрозрачной завесой стихотворение говорит обо всем, ничего не называя. Не названа, например, луна, хотя без ее света невозможна была бы игра теней, сообщающих динамику всей картине. Ничего не сказано о самом событии — любовном свидании, но тончайше передано его течение от ночи к утру: чуткий читатель не может не заметить, как «пурпур розы», разрастаясь в «дымных тучках», переходит в зарю. Не названа, наконец, сама Любовь, но есть ее переживание:

Ряд волшебных изменений
Милого лица,

Заря символизирует начало и утро нового дня, и утро новой жизни, наступающей для влюбленных.

Все сказанное позволяет заключить, что в этом безусловно этапном для поэта стихотворении система музыкально-импрессионистических средств поэтического выражения

уже сформировалась. В дальнейшем она обогащается новыми открытиями и находками, но основа системы фетовского импрессионизма кардинально уже не менялась.